

Попович Алексей Игоревич

(Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

Alexey I. Popovich,

(Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

ОСМЫСЛЕНИЕ КОНФЛИКТА С ГОСУДАРСТВОМ
ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ ЖЕРТВЫ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЯХ XVIII ВЕКА¹

UNDERSTANDING THE CONFLICT WITH THE STATE
THROUGH THE CONCEPT OF SACRIFICE
IN THE 18TH CENTURY OLD BELIEVER WRITINGS

В статье описываются основные стратегии художественного восприятия старообрядцами XVIII в. идеи жертвы за веру. Показано, что значительное место в создании мученических и других подобных текстов, посвященных старообрядческой жертвенности, занимают традиционные приемы описания мученических страданий, заимствованные из предшествующей книжности. В то же время выявлена общность некоторых образных рядов и характеристик с ментальным контекстом раннего Нового времени, которому было свойственно обращение к теме жертвы с секуляризованных позиций. Уточнение сходств и различий в восприятии жертвы за веру как самоидентичности – важнейшая задача последующих исследований.

Ключевые слова: жертва за веру; мученики; старообрядцы; самоидентичность; Выговская литературная школа; XVIII в.

The article describes the main strategies of artistic perception of the idea of sacrifice for the faith by the Old Believers of the 18th century. The article shows that the traditional methods of describing martyrdom borrowed from previous literature occupy an important place in the creation of martyrdom and other similar texts dedicated to Old Believer sacrifice. Also, the study revealed a commonality of some figurative series and characteristics with the mental context of the early modern period, which was characterized by a secularized approach to the topic of the sacrifice. Describing the similarities and differences in the perception of the sacrifice for the faith as self-identity is the most important task of further research.

Keywords: sacrifice for faith; victim; martyrs; Old Believers; self-identity; Vyg literary school; 18th century.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Кульгура духа” vs “Кульгура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII- XVIII вв.)»).

Старообрядческая культура, имеющая давнюю историю изучения, несомненно, подвергалась исследованию в ней места таких категорий, как жертва и жертвенность. Касались этих проблем исследователи феномена старообрядческих самосожжений², литературных и исторических образцов мученических смертей за веру в старообрядческой агиографии, ориентированной на описание страданий³. Несомненно, что староверы так или иначе воспринимали себя жертвами по отношению к отдельным носителям «новой» веры и государству, олицетворявшим для них антихриста, при том, что государственные и церковные преследования старообрядцев часто имели массовый и не всегда объяснимый по своей жестокости характер.

Отдельная напрямую связанная с самоидентичностью проблема — внутренние мотивировки старообрядцев, пожертвовавших собой за старую веру. Причин было множество, однако в литературе староверов тема жертвенной смерти за веру изображалась примерно в одном и том же ключе, воспринятом из новозаветной и древнерусской традиции прославления мучеников. К созданию образности старообрядческой жертвенности в XVIII в. органично подключались традиционная для книжности XI–XVII вв. топика жертвы и аллюзии на жертвы в различных историко-культурных контекстах.

В литературе Древней Руси тема жертвы реализовывалась одновременно в нескольких направлениях: с одной стороны, авторы осуждали языческие жертвоприношения, а с другой — прославляли мучеников, отдавших жизнь за Христа. И в том и в другом случае контексты использования топики и аллюзий генетически связаны с общемифологическим символическим восприятием жертвы как реализованного обмена чего-либо, имеющего отношение к жизни (не обязательно самой жизни: это могли быть жертвенные продукты, животные, растения и т.д.) на что-то соотносимое скорее с иррациональной, метафизической стороной человеческого бытия.

² См. одну из последних обобщающих работ: *Пулькин М.В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М., 2013. 336 с.

³ См., напр.: *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2002. Т. 1. С. 65–241; *Пигин А.В.* Агиографические сочинения в старообрядческой полемике конца XVII–XVIII в. о «самоубийственной смерти»: (Послание Петра Прокопьева Даниилу Викулину) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 435–447.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

Переживание собственной жертвенности среди староверов было более распространенным явлением, нежели среди каких-либо других социокультурных групп переходной эпохи (XVII–XVIII вв.). Это объясняет особый раннехристианский контекст, в который погружали себя старообрядцы XVII в., в частности Аввакум, прямо сравнивавший себя с мучениками за веру эпохи первых христиан, и данная риторика в дальнейшем будет востребована Выговской литературной школой⁴.

Подход, предлагаемый в настоящей работе, учитывает постоянную динамику категорий жертвы и жертвенности, к которым старообрядцы обратились на конкретном витке развития этих категорий во времени. Архетипическая и символическая природа жертвы в равной степени допускает зависимость от древнейших истоков категорий и разнообразные приращения смысла, образности, идейного содержания, аллюзийного состава в зависимости от нужд автора, эпохи и т. д.

В старообрядческой книжности XVIII в. были чрезвычайно популярны жития-мартирии, что, несомненно, влияло на конфессиональную идентичность каждого старообрядца. По справедливому замечанию О.Д. Журавель, «потенциальной сакрализации подлежат все истинно верующие, находящиеся в ближайшем к центру круге»⁵. Староверы сознательно конструировали определенный культурный миф, выстраивали некоторую мифологию и собственную систему почитаемых мучеников за веру. Пожалуй, редкая эпоха в развитии древнерусской книжности отличается таким разнообразием и такой концентрацией мученических житий, написанных о современниках.

Выявление типического и уникального в обращении к теме жертвы предполагает сопоставление процессов, происходящих параллельно (например, в «официальной» литературе раннего Нового времени) или удаленных друг от друга на исторической оси. Сам феномен востребованности мученического контекста

⁴ См.: *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. С. 421–424; *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2002. Т. 1. С. 192–194.

⁵ *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 301.

и активного его использования в определенных целях сближает культурные модели староверов с процессами, происходившими в Древней Руси еще с конца XVI в.

Так, в истории антистарообрядческой полемики обращает на себя внимание издание в 1722 г. указа Священного Синода, подготовленного по распоряжению Петра I Феофаном Прокоповичем, «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями». Сама формулировка «недействительность самовольного страдания»⁶ объяснима духом Петровской эпохи, стремлением привести все к знаменателю закона, однако риторика этого указа вполне сопоставима с более ранней риторикой эпохи Ивана Грозного, что можно характеризовать как общую черту (раннего) Нового времени, заключающуюся в своеобразном использовании темы жертвы за веру. Неслучайно в ответ на прославление новомучеников (как характеризует Курбский пострадавших от царя людей) Грозный отвечает: «...мучеников же в сие время за веру у нас нет...»⁷. Речь идет об определенной секуляризации использования понятийной сетки, топики и аллюзий жертвы⁸.

Увещательное рассуждение, сочиненное «во общую пользу», должно было читаться «всенародного ради вѣдения Священникамъ по всямѣсячно, въ воскресные дни и господскіе праздники»⁹. Пламенная и долгая речь проповедника, разоблачающая незаконные страдания раскольников, наполнена историческими аналогиями самовольного провозглашения себя мучениками, библейскими цитатами и стандартными для этого времени обличительными формулами: «Коль довольное до сытости торжество и играніе бѣсовское! Сами на себя лгутъ, и вину мученія достойную притворяють себѣ, да мучими будутъ...»¹⁰. Отрицание муче-

⁶ Неотрывна от темы самовольного страдания и тема самосакрализации, см. об этом: *Плюханова М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. С. 380–459.

⁷ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1981. С. 26.

⁸ Подробнее об этом, в частности о трансформациях идеи жертвы за веру в раннее Новое время см.: *Попович А.И.* Идея жертвы за веру в России раннего Нового времени: диктат власти и путь к личному выбору // Диалог со временем. 2020. № 4. (в печати).

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 6. 1720–1722. С. 746.

¹⁰ Там же. С. 745.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

ничества раскольников в сочинении сопряжено с недопущением смерти за правду в Петровской России: «...такового правды ради гонения никогда въ Россійском, яко православномъ Государствѣ, опасатися не подобаетъ, понеже то и быти не можетъ»¹¹.

То, что государство вообще поставило перед собой такую цель, говорит о заостренности конфликта на этой почве для обеих сторон. Подобное сопротивление церкви и государства неофициальной канонизации и прочим религиозным прославлениям, в основном среди старообрядцев (даже в рамках комплекса литературных текстов) характерно для власти, начиная как минимум с эпохи Ивана Грозного. Не касаясь богословской стороны таких рассуждений (очевидно, что христианская догматика не примет подобного рода канонизации), можно поставить вопрос о степени правомерности обвинений со стороны официальной церкви. Обе стороны полемики обращаются к этой теме не так, как это делал человек Древней Руси: жертва и мученичество в сознании человека Петровской эпохи трансформированы до одобряемых властью подвигов, однако и носитель старообрядческой культуры воспринимает жертву за веру, по-видимому, несколько иначе, чем это делали до него¹².

Старообрядцам была необходима своя система авторитетов, как идейно-эстетических, так и собственно религиозных. В основание этой системы в качестве одной из важнейших составляющих была положена жертва за веру, а значит, и конкретные мученики, к образам которых можно было бы апеллировать в самых разнообразных контекстах и ситуациях. Важнейшими фигурами для староверов стали прославленный в лике священика протопоп Аввакум и другие пустозерские страдальцы, сожженные в срубе за «великия на царский дом хулы»¹³, однако основную

¹¹ Там же. С. 743.

¹² В данной работе нет возможности коснуться факторов кардинальных изменений в русской культуре в середине XVII в., однако очевидно, что все перемены этого времени находились в одном контексте и были подготовлены в той или иной степени схожими факторами.

¹³ Неслучайно Семен Денисов напомнит в своей «Истории об отцах и страдальцах соловецких» об этом событии и «живой жертве» пустозерских страдальцев: «... в самый страстей Христовыхъ день, си есть Великий пятокъ, в срубъ со предреченными страдальцы огнесожжениемъ от здѣшнихъ преселенный, жертва жива и одушевлена Владыгѣ и Богу принесеса» — Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / изд. подг. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко. М., 2002. С. 90.

часть описаний страданий за веру, созданных в XVIII вв., составляли краткие повествования о судьбе монахов Соловецкого монастыря, погибших при восстании.

Именно с этими событиями О.В. Чумичева связывает формирование «антигосударственного характера идеи страдания за веру»¹⁴. Самопозиционирование староверов как жертв насильственных действий со стороны государства действительно было глубоко укоренено в контексте соловецкой истории. Самоотверженное противостояние соловецкой братии было воспето талантливыми выгорецкими книжниками, для которых восставшие монахи стали образцом жертвенности за правду и веру. Смерть и страдания «правды ради», описанные наиболее ярко в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, находили множество аналогий в библейской истории.

В этот же контекстуальный ряд для многих¹⁵ старообрядческих авторов попадали и те, кто расстался с жизнью добровольно через самоожжение или иной вид «самогубительной смерти». Такая жертва при всей своей радикальности воспевалась зачастую в той же степени, что и прочие страдания за старую веру. Объединение разнообразных историй первых мучеников осуществил Семен Денисов в другом своем крупном труде — «Винограде Российском», не делая принципиальных различий между формами смерти мученика за веру.

Оба упомянутых сочинения Денисова были широко распространены в старообрядческой среде любой последующей эпохи, но перечень воспетых старообрядцами страдальцев и мучеников за веру ими далеко не ограничивался, что говорит о том, что тема жертвы оставалась для старообрядцев краеугольной. Отрицание официальной властью мученичества за правду и веру в XVIII в. было противопоставлено творческой активности старообрядцев в этой тематической сфере. Идеи жертвы за веру были фактом и фактором «древлецерковного благочестия» и выступали связующей нитью с наиболее близкой и однородной для староверов культурой Древней Руси. Жертвенность, воспринятая из ее глубинных истоков, становилась своеобразным

¹⁴ Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М., 2009. С. 178.

¹⁵ Естественно, что не все старообрядцы разделяли идею самоожжения и между ними на этот счет шли свои полемики. Показательно написанное против самоожжений «Отрагительное писание» инока Евфросина. См.: Елеонская А.С. Гуманистические мотивы в «Отрагительном писании» Евфросина // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М., 1976. С. 263–277.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

условием развития собственной субкультуры, ложась в архитектуру ряда литературных памятников и вдохновляя жителей старообрядческих поселений на повседневные свершения ради веры.

Для характеристики любого жертвоприношения важны субъект-объектные отношения, иначе говоря жертва *чем?* и жертва *кому?* или *за что?* Ответы на данные вопросы, как представляется, способны уточнить некоторые принципиальные проблемные узлы, связанные с взаимоотношениями старообрядчества, государства и «новой» церкви, с причинами «гарей» и с прочими зачастую связываемыми с сугубо идеологическими причинами явлениями.

«О жертвѣ богоприятная, благоуханная, не мною, моя же, яко во мнѣ, за мене и моих да будет принесшаяся!»¹⁶, — восклицает Феврония Семенова, оплакивающая своих умерших братьев Ивана и Гавриила. Многочисленность форм местоимений *я* и *мой* сближает этот фрагмент с плачами и причитаниями, однако говорит и о многочисленных оттенках восприятия жертвы искренне верующими староверами. Неизменно важна и фигура мучителя — той внешней силы, со стороны которой причиняется страдание.

Иная каузальность жертвы за веру детализируется, например, в «Слове о наставниках» (около 1780 г.) Тимофея Андреева и, может быть, связана с публицистической необходимостью перечисления старых обрядов:

Понеже вси вѣдят, не точию древняго благочестия ревностни любители, но и прочии вси жители всея Российския империи, понеже всеѣмъ извѣстно, яко за древлецерковное благочестие пострадаша, еже за двоперстное сложение, еже за сугубое аллилуия, еже за трисоставный крестъ Христовъ, еже за имя спасительное Господа нашего Иисуса Христа, еже за седмопросфирное служение, еже за старопечатныя книги и за прочия пребезчисленныя догматы святокафолическаго благочестия. В то же время пострадаша за благовѣрие и отцы Соловецкаго монастыря, иже вселютѣйшими томления смертми от здѣшних на будущая блаженная упокоения всепреславно преселишася¹⁷.

¹⁶ Цит. по: Юхименко Е. М. «Слово надгробное о двою брату единоутробною» Февронии Семеновой // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 352.

¹⁷ Тимофей Андреев. Слово о наставниках // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития : в 2 т. / науч. ред. Н. В. Понырко. М., 2008. Т. 2. С. 192.

Ключевое значение имеет пафос мученичества: в соответствии с христианской аксиологией жертва за веру радостна, а не трагична. Именно таков ореол старообрядческой книжности, преодолевающей драматическое положение пострадавшей стороны и находящей в ней созидающий смысл. Таково содержание «Службы святым исповедником, новым российским страдальцем», созданной Семеном Денисовым до 1741 г.: «Агньче Божий, Иисусе Христе, просвѣти ми смыслъ воспѣти агньцы за имя Твое святое и за предание святыхъ Твоихъ закланныя, да с ними Тебѣ усердно вопию, славно бо прославися»¹⁸. Пролитой кровью соловецких страдальцев благословлена Выговская пустынь: «...возсиявши, возблиста, ими же и от нихъ и наши мрачныя зѣницы, свѣтомъ древлещерковнаго благочестия осияваеми, просвѣтишася»¹⁹. Жертва соловлян, в трактовке Семена Денисова, не напрасна, ведь каждый из невинно погибших обрел мученический венец.

Язык мартыриев Семена Денисова, несмотря на их многочисленность, разнообразен, автор стремится творчески подойти к созданию каждой внутренней истории, благодаря чему появляются несколько неожиданные сравнения и характеристики. Образность мученических смертей переплетается с обрядово-литургическим контекстом, когда жертвы в буквальном смысле приносятся на вечерю к Господу: «Се первый плодь и добрѣйший, или истѣе рещи, гроздь сладчайший соловецкаго преподобныхъ отецъ всесвятѣйшаго винограда, в точилѣ мучений изгнетшся, на божественнѣйшую вечерю²⁰ ко всѣхъ Царю и Богу принесесея»²¹.

Сопоставляя временное и бессмертное житие, Денисов уподобляет их мучительному холоду (зиме) и спасительной весне — вечному символу обновления: «Таковымъ лютейшимъ мучениемъ,

¹⁸ *Симеон Денисов*. Служба святым исповедником, новым российским страдальцем // Писания выговцев. Сочинения поморских старообрядцев в Древлехрамнище Пушкинского Дома : Каталог-инципитарий / сост. Г.В. Маркелов. СПб., 2004. С. 251.

¹⁹ *Семен Денисов*. История об отцах и страдальцах соловецких : Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / изд. подг. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко. М., 2002. С. 100.

²⁰ Тот же мотив повторится еще один раз в «Истории»: «... яко винограду всесладчайшему, точиломъ мучительныхъ изгнѣтений на премирную вечерю всепремирному Царю и Владыцѣ принесшимся...» – *Семен Денисов*. История об отцах и страдальцах соловецких : Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / изд. подг. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко. М., 2002. С. 79.

²¹ Там же. С. 53– 54.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

только нестерпимую студению и мразомъ наляченъ страдалецъ, от студености временнаго жития к безмертнаго царствія блажайшей веснѣ преиде»²².

Как «злосердного» мучителя автор изображает воеводу Ивана Мещеринова, руководившего осадой Соловецкого монастыря: «... яко пшеницѣ в день жатвы, серпы мучения пожатымъ, не утоми-ся злосердый воевода от толикихъ кроволитий...»²³. Далее Денисов вводит в сюжет «Истории» свершение предсказания о смерти царя²⁴ сразу же после кровавого жертвоприношения: «...егда кровавую ону соверши богонеугодную жертву, тогда въ 8-й часъ того дне государь царь оставляетъ вѣнецъ своего царствія...»²⁵. Ветхозаветная образность материальной жертвы, осуществляемой неугодным жрецом, у писателя переплетается с духовной новозаветной образностью: «...егда тѣлеса своя въ жертву чисту Владыцѣ и Богу принесоша, тогда наипаче веледаровитый Богъ блаженство страдания своихъ угодниковъ объявляше зрящимъ, яко любезно того владычеству сихъ страдание и приятно паче всесожжений овнихъ и юнчихъ, паче тамъ агнецъ тучныхъ»²⁶. Денисов пишет о «любезности» Богу страданий своих угодников, в отличие от ветхозаветных жертв всесожжения.

Обращает на себя внимание барочная эстетика самовольной жертвенной смерти, отразившаяся не в официальной литературе, а в одном из виршей²⁷ Семена Денисова, написанном им для «Винограда Российского»:

Тако отец Варлаам огнем испечеса
и яко хлеб сладчайший Богу принесеса.
Божий бо священник съи, прежде Христа жряше,
потом же и сам себе в жертву возношаше²⁸.

²² Там же. С. 67–68.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Смерть Алексея Михайловича в 1676 г. совпала с падением Соловецкого монастыря.

²⁵ Там же. С. 75.

²⁶ Там же. С. 82.

²⁷ О специфике силлабического стихотворства выговцев и его источниках см., напр.: Понырко Н.В. Выговское силлабическое стихотворство // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 274–290.

²⁸ Цит. по: Sullivan J., Drage C.L. Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd rossiiskii // Oxford Slavonic Papers. New Series, 1968. Vol. 1. P. 35.

В этом отрывке легко обнаруживается двуплановость жертвы, не всегда разграничиваемая человеком Древней Руси: с одной стороны, речь идет о материальном продукте, жертвенном евхаристическом хлебе, приносимом Богу, а с другой — автор пишет о самопожертвовании, подобном процессу приготовления просвир и творимом над собой священником, который служит литургию. В каком-то смысле автор здесь стоит на пороге Нового времени, и христианская символика жертвы получает метафорическое приращение.

Важнейшее место в религиозных спорах эпохи занимало использование и приготовление бескровной обрядовой жертвы, в связи с чем реанимировалась обличительная тенденция обвинений в языческих жертвоприношениях, имевшая место как со стороны старообрядческих полемистов, так и со стороны официальной церкви. Так, в одной из повестей митрополита Игнатия Римского-Корсакова, входящей в одно из его Сибирских посланий, появляется мотив человеческого жертвоприношения, воплощенный в замене старообрядцами при помощи колдуна бескровной жертвы на истолченное иссушенное сердце новорожденного младенца:

Возмите сия бумашки со святынею [нарек окаянный волшебные свое тако] и идите во грады и в веси, сиречь в деревни. И входяще в дома, глаголите им, чтобы отнюд в церковь не ходили и у попов нынешних благословения не принимали, и к ним бы не исповедывалися, и никакой святыни от церкви не причащалися. А крест бы на себе двема персты творили, а троеперстного сложения никако же бы не принимали. Се бо есть антихристова печать. И аще вас послушают или не послушают, тогда от сего даннаго вам столчения тайно влагайте к ним или во брашно, или в питье, или в сосуд, идеже у них вода бывает в дому, или в кладязь. То убо егда от того вкусят, тогда обратятся к нам на истинну и поверят словесем вашим, и сами будут самовольныя мученики²⁹.

Особый обрядовый характер восприятия жертвы за веру возникает в «Слове надгробном Ивану Семенову» (1730-е гг.) Трифона Петрова, где антистарообрядческая борьба названа «новожрече-

²⁹ Панич Т.В. Повести о старообрядческих «гарях» из сибирских посланий митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 135.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

ской клеветой», под которой могли пониматься в том числе и упомянутые выше обвинения:

Егда бо новожреческая клевета обляже градоправителствующих сердца, тогда онии излиша суд на церковная чада, ярости полный. И послаша на тѣх обитель воинство, лютое томление и горкую смерть носящее, яко да лютыми тѣми смертоношами лють умучится Божие древлецерковное стадо и да потребится от земли праведная старовѣрческая память, вмѣсто же тоя да напишется на онѣх писма вины, под гнѣвъ законехранительства подводящее. Но, о, незлобивых твоих, мати церкви, агныцевъ всекротчайшаго блекотания!³⁰

Неслучайно подобная образность возникает в «Слове», посвященном именно этому сибирскому страдальцу: выговец Иван Семенов был лидером Елунской гари 1725 г., в которой сторело около 600 человек. Недостаток литургических обрядов по старым правилам компенсируется, с точки зрения автора, возможностью добровольно пострадать за Христа³¹:

...но точию скорбимъ, яко нѣсть во время се ни жертвы, ни приношения, ни мѣста, еже пожрети намъ пред тобою и обрѣсти милость, но душею сокрушенною и духом смиренымъ да прияти будем и скончаем во огни по тебѣ, яко нѣсть студа уповающимъ на тя. И нынѣ възслѣдуемъ всемъ сердцем и боимся тебе и ищемъ лица твоего, тебе бо ради умерщвляеми есмы, весь день вмѣнихомся якоже овца заколению и дахом возлюбленныя души наши в руцѣ врагъ нашихъ³².

³⁰ *Трифон Петров.* Слово надгробное Ивану Семенову // *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2008. Т. 2. С. 132–133.

³¹ Сходные рассуждения вложены Семеном Денисовым в «Службу новым российским страдальцам»: «Крестом двочастным печатлѣемыхъ просфирь не приемлюще, страсотерщцы ураняеми бисте лють, и уста ваша новолюбителей руками сокрушахуся, но вы, таковыя жертвы и жрения удаляющеся, изволисте умрети паче, нежели таковым даромъ причаститися» – *Симеон Денисов.* Служба святым исповедником, новым российским страдальцем // *Писания выговцев.* Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома : Каталог-инципитарий / сост. Г.В. Маркелов. СПб., 2004. С. 254.

³² *Трифон Петров.* Слово надгробное Ивану Семенову // *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2008. Т. 2. С. 136.

Идеями жертвенности насковзь пронизан и эсхатологический контекст сочинений старообрядцев. Показательно описание событий первых лет раскола в «Слове надгробном Леонтию Федосееву» (вторая половина 1730-х гг.) того же автора:

Яже вся видяще тогдашнии Исааки, не требоваху Авраамовы десницы, шибаяющия ножемъ, но сами себѣ бываху жертва и заклатели. Тогдашнии Фомаиды не ждаху свекра, сыновню ложу лютаго разбойника, но сами на одрѣ огня вскакаху и в баню рѣчныхъ струй вметахуся и тако в небесный чертогъ ко веселдчайшему жениху Христу убѣгаху³³.

Впрочем, в основном в XVIII в. встречаются вполне традиционные описания страданий, целиком построенные на топике предшествующей литературы; такая образность представлена, например, в «Слове на память Иоанна Богослова» (1740-е гг.) Алексея Иродионова:

...христиане, яко злодеи, убийствам и смертем различным за едино евангелское исповедание предавахуся, кровь Христовых исповедников, яко вода, проливашеся; телеса их, яко священныя хлебы, раздробляхуся; орудия мучительная верных Божиих рабов множество, яко острия серпы добрую и зрелую пшеницу, жняху; земля кровми мученик святых, яко риза, обогряшеся³⁴.

В связи с этим разнообразием оттенков и трактовок проблемой, требующей обстоятельного изучения, представляется определение места категорий жертвы и жертвенности в культурной самоидентичности староверов разных согласий дробных исторических отрезков, выявление общих закономерностей и расхождений, связанных с различиями типов поведения, литературного письма, художественно-эстетических задач и идей. Продуктивным представляется и соответствующее их сравнение с господствующей культурной ситуацией, которое поможет уточнить не только специфическое старообрядческое понимание жертвы, но и проследить общность динамических установок, обусловленную архетипичностью самих категорий.

³³ Алексей Иродионов. Слово надгробное Леонтию Федосееву // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезиельства : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2008. Т. 2. С. 61.

³⁴ Цит. по: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2002. Т. 1. С. 158.

Распространение старообрядческих сочинений и идеология старообрядчества: особенности, закономерности, основная проблематика (итоги и перспективы изучения)

Литература

- Алексей Иродионов.* Слово надгробное Леонтию Федосееву // *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. – Москва : Языки славянских культур, 2008. Т. 2. – С. 59– 65.
- Леонская, А.С.* Гуманистические мотивы в «Отразительном писании» Евфросина // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). – Москва : Наука, 1976. – С. 263– 277.
- Журавель, О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 442 с.
- Панич, Т.В.* Повести о старообрядческих «гарях» из сибирских посланий митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2019. – № 2 (26). – С. 124– 141. DOI 10.24411/2224-5391-2019-10206.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – Москва : Наука, 1981. – С. 12– 52.
- Пигин, А.В.* Агиографические сочинения в старообрядческой полемике конца XVII– XVIII в. о «самоубийственной смерти» : (Послание Петра Прокопьева Даниилу Викулину) // Труды Отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург : Росток, 2016. – Т. 64. – С. 435– 447.
- Плюханова, М.Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – Т. 3. – С. 380– 459.
- Поньрко, Н.В.* Выговское силлабическое стихотворство // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1974. – Т. 29. – С. 274– 290.
- Попович, А.И.* Идея жертвы за веру в России раннего Нового времени: диктат власти и путь к личному выбору // Диалог со временем. 2020. № 4. (в печати)
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1830. – Т. 6. 1720– 1722. – 817 с.
- Пулькин, М.В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII– XIX в.). – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. – 336 с.
- Семен Денисов.* История об отцах и страдальцах соловецких : Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / изд. подг. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 272 с.
- Симеон Денисов.* Служба святым исповедником, новым российским страдальцем // Писания выговцев. Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома : Каталог-инципитарий / сост. Г.В. Маркелов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004. – С. 244– 256.
- Тимофей Андреев.* Слово о наставниках // *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. – Москва : Языки славянских культур, 2008. Т. 2. – С. 189– 195.

- Трифон Петров.* Слово надгробное Ивану Семенову // *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития : в 2 т. / науч. ред. Н.В. Поньрко. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – Т. 2. – С. 121- 140.
- Чумичева, О.В.* Соловецкое восстание 1667- 1676 годов. – Москва : ОГИ, 2009. – 352 с.
- Юхименко, Е.М.* «Слово надгробное о двою брату единоутробною» Февронии Семеновой // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 341- 357.
- Юхименко, Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература / науч. ред. Н.В. Поньрко. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. – 544 с.
- Sullivan, J., Drage, C.L.* Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd rossiiskii // *Oxford Slavonic Papers. New Series.* 1968. – Vol. 1. – P. 27- 48.